

Можно сказать, что с Ярославом Владимировичем Мальцевым мы познакомились благодаря современности – это понятие он подробно рассматривал в кандидатской диссертации по философии, к моменту нашей встречи успешно им защищённой. Человек, способный анализировать идущие вокруг процессы, безусловно, интересен, тем более что давним объектом его исследовательского любопытства являются отношения общества и власти – тема остро актуальная во все времена.

Мой собеседник преподаёт в ТюмГУ и параллельно ведёт уроки истории и обществознания у старшеклассников. Помимо этого, в его педагогическом багаже – несколько лет тренерских занятий с учениками в секции айкидо. И как человек по складу склонный к наблюдению и анализу, он, естественно, не мог отказать себе в удовольствии осмыслить накопившийся преподавательский опыт. В итоге мы встретились, чтобы поговорить о школе. О той, от которой всем нам хочется уйти, и о той школе, к которой мы сегодня стремимся.

– Ярослав Владимирович, в нашей стране немало дискуссий развёрнуто вокруг реорганизации среднего образования. А сформирована ли в общественном представлении идеальная модель, которая в равной степени устроит и педагогов, и учеников, и родителей?

– Не буду спорить с тем, что в России можно найти неплохие школы, прежде всего, частные. Это, например, «Летово», где реализуется уникальная образовательная модель, или сохраняющая исторические традиции школа-пансион МГУ, или иркутская «Точка будущего». Из государственных можно отметить физико-математическую школу имени М.А. Лаврентьева при НГУ. Но подобных им всё равно очень мало на такую огромную страну. Что касается подавляющего большинства наших стандартных школ, их условия, к сожалению, таковы, что учитель, даже изначально мотивированный на глубокую и вдумчивую работу, бывает не в состоянии ею заниматься. Самый простой пример: параллельно со мной в школу устроилась девушка – молодой специалист. И сразу получила сорок часов нагрузки плюс классное руководство. Выдержала всего месяц, а дальше, я подозреваю, не просто ушла из конкретно этого учебного заведения. В любой другой школе её ждёт то же самое, а это значит, что непосильные объёмы работы, скорее всего, приведут к надлому, и она оставит профессию, ради которой столько лет училась.

Допускаю, что найдутся люди, которые сейчас же мне возразят: «Что такое эти сорок часов? Все мы за неделю отработываем столько же...» Но часы в музее, в управленческой сфере или даже на заводе несравнимы с часами, отработанными в школе. Какова специфика учительского труда? Во-первых, это восемь часов в день непрерывной речи. Во-вторых, классы разного возраста, требующие каждый своего подхода. Современный класс – приблизительно тридцать учеников. Если брать начальные параллели, это тридцать ребятшек различной степени подготовленности, с разной способностью концентрировать внимание и далеко не одинаково заинтересованных в учёбе. В старших – тридцать подростков, которые по своей природе очень активны и стремятся к действию. Их необходимо настроить на восприятие предмета, а потом в течение урока удерживать к нему интерес. Когда учитель выходит на перемену, у него бывает одно желание: хоть немного отдохнуть в одиночестве и подготовиться к следующей встрече с учениками. Но возможностей для этого практически нет: наши зоны отдыха чаще всего ограничиваются

общими учительскими. Когда у меня в расписании несколько «окон», я ищу место, где можно их скоротать. Потому что мой классный кабинет, как правило, занят, а стандартная школа не подразумевает того, что для учителя создаются комфортные условия. Когда-то у нас в стране был объявлен национальный проект «Образование». Он принёс положительные плоды: школы были переоборудованы, в них пришли новые технологии, теперь являющиеся неотъемлемой составляющей работы в классе. Но, мне кажется, что пришло время запустить новый стратегический проект, поставив в нём на первое место личность учителя.

– *И самый первый вопрос, который этот проект сможет решить?*

– Вопрос о классном руководстве давно уже назревший. Сам я, спасибо руководству нашей школы, его не веду, и это позволяет мне сосредотачиваться на моих профессиональных обязанностях, на взаимодействии с учениками. В моём понимании учитель должен заниматься своим предметом, любить его, вовлекать в круг этой любви молодое поколение. Организационную деятельность и классное руководство разумнее передать людям, имеющим к ним интерес и склонность – администраторам, кураторам, воспитателям. Я не случайно начал с огромной загруженности школьных педагогов. Классное руководство – это не только ответственность, но и масса бумажной работы. Отговорив у доски положенные ему часы, учитель садится писать отчёты, вместо того, чтобы отдохнуть, проводить время с семьёй или посвящать его самообразованию. И если мы задумываемся о профессиональных успехах, последнее важно особенно. Из восемнадцатого века к нам пришёл лозунг «Laissez-faire» – не мешайте! Его выдвинули бизнесмены, когда правительство вставляло им палки в колёса. Очень справедливо и с педагогической точки зрения: не мешайте, не отвлекайте нас от наших книг, от возможности их обсуждать, от научной работы. И тогда у нас будет успех в классе. Потому что увлечённый профессионал найдёт способ заинтересовать детей, донести до них свои знания и стимулировать к поиску. В условиях ковида и вынужденного дистанта у учителей появилось чуть больше свободы, и коллеги мне рассказывали, что стали обстоятельнее готовиться к урокам. Вот и я, понимая, что хороший урок требует подготовки, не хочу отвлекаться на классное руководство, планёрки, воспитание или пропаганду. Это, думаю, справедливо в любой сфере деятельности. Чем мне нравилось айкидо? Там была только практика: татами, развитие навыков, совместный рост с учениками. Никаких бумаг и других обязанностей! И если в образовании и науке у нашей страны сегодня много проблем, то российское айкидо успешно и признаётся таковым на мировом уровне.

– *То есть главная задача: разгрузить учителя?*

– Я бы сказал, что это один из этапов. Давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны, и в качестве примера, который неплохо было бы перенести на школу, опять же возьмём спортивную секцию. Тренер свободен в организации учебного процесса и выставит ученика на экзамен, только понимая, что тот готов подтвердить свой уровень. А до этого будет заниматься с каждым ребёнком столько, сколько тому потребуется. Дети от такого подхода в восторге: им нравятся тренировки, у них нет стресса или боязни, что они чего-то не успеют. Успеют обязательно! Поэтому в глазах родителей тренеры – уважаемые люди. Но, как я уже говорил, в спорте вместе со своими воспитанниками развиваемся мы сами. Именно в обязательном саморазвитии заключается принципиальное отличие труда учителя от любого другого – вот этого понимания в нашем обществе до сих пор нет. Беда в том, что ни родители, ни чиновники не хотят признавать, что преподавание в школе не может сводиться к функционалу. Нельзя прийти и выполнить свои операции без эмоционального и творческого вовлечения. Труд педагога вырастает из его личности. Все успешные учителя,

имеющие последователей и оставившие след в культуре, начиная с Сократа, вовлекали окружающих в свою орбиту саморазвития.

– *Интересно, а как бы проявил себя Сократ в современной школе?*

– Я бы хотел, чтобы в ней работали настоящие мастера. Историки, которые ведут исследовательскую работу. Издающиеся, имеющие свою аудиторию писатели и поэты. Успешные бизнесмены. Или те, кто на высоком уровне овладел каким-нибудь ремеслом. Было бы очень здорово, если бы под их влиянием дети приобщались к реальному миру. В одиннадцатом классе мне повезло принимать участие в конференции, которая проходила во Дворце пионеров. Там выступали представители ТюмГУ, и я, поражённый уровнем их компетенции, сделал выбор в пользу моей нынешней профессии. К сожалению, чаще бывают обратные ситуации, когда учить детей приходят люди, которые не нашли другого применения в своей области знания. И, напротив, те, кто способен развиваться и двигаться дальше, её покидают. У меня есть очень интересные, очень увлечённые друзья-историки. Оба начинали работать в школе, а потом двинулись собственным путём. У одного теперь свой центр подготовки к ЕГЭ, другой переводит с английского исторические книги. Можно только представить, сколько знаний и желания узнать что-то новое они могли дать детям, если бы оставались рядом с ними. Но в систему, отнимающую все силы и не оставляющую ни минуты на то, в чём ты хотел бы совершенствоваться, они уже не вернуться. С другой стороны, в школах продолжают трудиться тысячи учителей, которые любят свой предмет. Я бы предложил продумать для них различные формы стимулирования к самообразованию. Возьмём, например, всем хорошо знакомые курсы повышения квалификации. Их деятельность отлажена: учителя регулярно и в обязательном порядке их посещают. К сожалению, в основном, там рассматриваются методические вопросы. То есть, педагогические навыки ставятся выше знаний по предмету. Но лично мне была бы интереснее другая программа. Я бы с удовольствием послушал, что нового за последнее время произошло в моей науке, не важно, история это, философия или математика... Если бы об этом рассказывали преподаватели университета, представители академических кругов, это была неоценимая помощь учителям, позволяющая сориентировать их в дальнейших поисках.

– *Значит, приоритет профессионала над, собственно, педагогом? Тогда что же делать: только учить? Или всё же учить и воспитывать?*

– А кто мы такие, чтобы заниматься педагогикой? Кому известен правильный вариант и образ жизни? Настанет время, и сегодняшние ребята сами выстроят и себя, и своё общество, опираясь на собственный анализ. Они умные. Часто умнее и моральнее взрослых. Кажется, Борис Слуцкий, известный советский писатель, поэт и переводчик, говорил, что школьники – самые умные люди, так как они только что прочитали всю классику... Это меткое замечание и одна из причин, почему мне нравится работать в образовании. Но если надо непременно говорить о воспитании, то в качестве примера я опять же предложу секцию айкидо. Дети бежали ко мне обниматься, родители звонили, чтобы поблагодарить. И я был счастливым тренером, который видит результаты своего труда. Школьная реальность чаще другая. Здесь общение с родителями не всегда конструктивно. Многие из них заходят к учителю, только если ребёнок получил двойку. И не с желанием разобраться в проблеме, а затем, чтобы высказать претензию. Все перечисленные мною проблемы не новы – с ними сталкивается каждый, кто работает в этой системе. Но, к сожалению, прежде всего этих столкновений не выдерживает молодёжь. Как результат, мы видим в школе немало педагогов, «привязанных» к ней обстоятельствами – возрастом или, например, кредитами, которые позволяет выплачивать их зарплата. Да, сегодня учитель может более или менее нормально жить.

Но эта «нормальная жизнь» даёт ему огромным напряжением сил. И ребёнок, которого он учит, видит уставшего, потухшего человека, давно выгоревшего эмоционально. Вот тут-то, на мой взгляд, и кроется опасность, потому что школа – это модель жизни, к которой маленький человек будет стремиться. Или не будет – откажется её принимать. А тогда где ему искать ориентир? Хорошо, если есть достойное домашнее окружение. Но в классах немало детей из неблагополучных семей. Для них особенно важно приходить в школу как в некий оазис и понимать, для чего именно они получают здесь знания. Хотя это понимание необходимо и любому другому ребёнку, пусть даже из самой обеспеченной и любящей семьи. И личность учителя, его харизма, настроение, его профессиональный уровень имеют приоритетное значение, потому что дети должны ему подражать – в одежде и манерах, в широте взглядов и знаний, в желании и возможности путешествовать. Они должны понимать, что учитель успешен и уважаем и ведёт их к такой же успешной жизни. Если уж воспитывать, то только так! Именно поэтому нам нужна новая школа – красивая, комфортная, рождающая у ученика позитивные мысли и ожидания.

– *Тогда надо менять отношение и к школьному пространству.*

– Я не зря с самого начала говорил об условиях учительского труда. Качественное обучение – это небольшие классы или даже группы учеников. И как можно больше учителей на каждого ребёнка. Пока что мы знакомы только с двумя концепциями образования – дореволюционной и советской. В первом случае оно было не всем доступно, во втором вводился всеобщ, но огромное население страны позволяло не бороться за раскрытие потенциала единичного человека. Всё решалось достаточно просто: быстро схватываешь материал – можешь рассчитывать на поступление в вуз. Если нет, условно говоря, идёшь на завод. Сегодня демографическая ситуация изменилась: нас мало, а конкуренция в мире растёт. В этих условиях мы не должны разбрасываться нашими гражданами. А поскольку потенциал есть практически у любого ученика, важно правильно с ним работать. У меня на домашнем обучении находится мальчик. Изначально его результаты были совершенно неудовлетворительными. Но индивидуальный подход, возможность проговаривать каждую тему и, сколько надо, столько раз к ней возвращаться, дали свои плоды. В настоящий момент, учившаяся, с чего мы начали, успехи его максимальны. И так, я считаю, нужно заниматься с каждым ребёнком. У меня был опыт преподавания в православной гимназии – её условия позволяли уделять внимание каждому ученику, разговаривать, спрашивать домашнее задание. Об этом же говорит и практика наших лучших учителей, победителей педагогических конкурсов: достижения их воспитанников тем выше, чем комфортнее обстановка, созданная в классе. Но в стандартной переполненной школе, где не хватает места и приходится заниматься в библиотеках, коридорах или актовых залах, добиться её практически невозможно. Мы должны строить новые школьные здания – и как можно больше. Делать в них упор на эстетику и экологию. Мне очень понравился разработанный во Франции проект учебного заведения: там всё в зелени – и по вертикали, и по горизонтали. Это не просто красиво, но и полезно, потому что растения благотворно влияют на здоровье и интеллект. Не могу удержаться, чтобы не привести цитату из любимого мною Алена: «Прекрасное требует, чтобы мы мыслили». Школа должна воспитывать вкус – хочется, чтобы там были просторные помещения, мебель, картины. Так же важно, чтобы она была удобной: со множеством уютных уголков, рекреационных зон, где ребята могут собраться своими стайками. Пока же в большинстве наших школ нет простейшей возможности – выстроить парты так, как этого требует конкретный урок. Допустим, при обсуждении текста мне нужны сидения, выставленные в круг для равного диалога, подчёркивающие, что я в нём

только партнёр. А если я что-то расказываю, мне опять же неважно, как сидят ученики. Главное, чтобы удобно было им. Идеальная школа современности, на мой взгляд – это, скорее, некий семейный центр с культурным и спортивным наполнением. С литературными клубами, мастерскими художников, кружками поэтов, с залами для проведения публичных лекций и площадками для различных физических активностей. Конечно, для создания таких центров потребуется перераспределение бюджета. Но, думаю, многочисленная армия родителей его обязательно поддержит.

– *То есть ждём запроса со стороны наших граждан?*

– Он уже существует. Ответственные родители готовы многим жертвовать ради своих детей. Они выбирают учебные заведения, вплоть до переезда в другие районы и даже регионы, собирают информацию о школах, смотрят показатели по ЕГЭ. Существующая система образования не устраивает никого, не случайно сегодня в стране, как мы уже говорили, идёт общественная дискуссия с привлечением широкого круга экспертов. Я думаю, что нам требуется как можно больше школ – самых разных. Конкурирующих между собой. Позволяющих себе по конкурсу отбирать учителей – это опять же станет для нас стимулом совершенствоваться. Тем более что во многих школах есть думающие руководители и педагоги: они могли бы пытаться менять свою работу, приближая её к надобностям дня сегодняшнего, как это делают, например, современные вузы. Но вузы в более выгодном положении: они свободнее в принятии решений. Возьмём в качестве примера ТюмГУ: сегодня там создаются гибкие программы, продумываются индивидуальные траектории обучения, максимально ориентированные на потребности студентов. Наши преподаватели предлагают списки возможных курсов, и только проявленный студентами интерес влияет на то, какие из них закрепятся в расписании. Школы так трансформироваться не могут – слишком жёсткие требования к ним предъявляются со стороны Министерства образования. И вот тут, если мы говорим об общественном запросе, родителям стоит обращаться с вопросами и пожеланиями не к учителю как самому доступному звену образовательной системы, а активнее взаимодействовать с государством, донося до него свои пожелания.

– *Но надо взглянуть на проблему и глазами ученика... Что сами школьники включили бы в запрос о реформе?*

– Уменьшение нагрузки! Только представьте: шесть дней в неделю по семь предметов – как может мозг ребёнка переработать такой объём информации? В школах, да, есть одарённые дети, которые справляются с подобными задачами. Но мы, взрослые, должны понимать: они это делают, отказывая себе в отдыхе, что в итоге не приведёт ни к чему хорошему. На мой взгляд, нужно разделить предметы на обязательные и на те, которые ребёнок будет изучать по желанию. Их давать до определённого возраста или в объёме вводных курсов. Дети, имея право выбора, прекрасно ориентируются сами. Я, например, уже с шестого класса знал, что мне не столько нужна математика, сколько литература, история, обществознание. Но если ученик уже выбрал нужные ему предметы, он должен получить возможность изучать их как можно шире. История? Тогда пусть это будет, допустим, «история колониализма», «история феминизма», «история развития техники»... И ребёнок, читая о том, что ему интересно, постепенно начинает на чём-то специализироваться. Два-три нужных и захватывающих урока в день, таким образом, ему будут гораздо полезнее, чем семь совершенно неинтересных... А пока мои коллеги не случайно жалуются, что их ученики ничего не учат. Кроме тех, разумеется, кто нацелен на медаль и делает всё возможное, для того, чтобы её получить.

– *Ещё один большой вопрос: способ оценки знаний...*

– Можем для начала порассуждать о том, насколько хороша или плоха система ЕГЭ. С одной стороны, она, действительно, даёт возможность детям из регионов поступать в ведущие вузы страны. С другой – у неё масса несовершенств. Это и уровень стресса, и вынужденные походы к репетиторам. Да и, честно сказать, не очень я люблю тесты. Они не информируют меня о действительных знаниях моих учеников. Ребёнок, отвечая на тестовые вопросы, может упустить из внимания какой-нибудь маленький факт, даже если у него есть понимание той или иной исторической ситуации. А ещё в школах сегодня огромное количество всевозможных проверочных работ помимо ЕГЭ. Мне кажется, это лишнее. Гораздо эффективнее вовлекать детей в творческие мероприятия – в олимпиады по предметам, в научные конференции. И наряду с результатами ЕГЭ, было бы очень неплохо, если бы высшие учебные заведения активнее принимали во внимание портфолио, объективно демонстрирующие стремления абитуриента в выбранной области знаний.

Думаю также, что определённой мотивацией к учёбе могли бы служить «двоечные» аттестаты. У нас ведь только формально существует пятиступенчатая система оценки, в реальности родители и дети понимают, что в любом случае их «натянут» на тройку. Но с решением этого вопроса спешить не стоит. У меня сейчас пять девярых классов. В каждом есть и очень сильные ребята и те, кому мой предмет, скажем так, не особенно интересен. И мне гораздо удобнее было бы заниматься по группам, практикуя как динамичное обучение, так и стандартное. Тогда я бы по-разному строил программу и выставлял материал, добиваясь максимального эффекта для одних и для других учеников.

– *Россия, на ваш взгляд, гуманитарная страна?*

– У России огромные гуманитарные традиции, это верно. Но сегодня мы ощущаем нехватку специалистов именно этого профиля – даже в плане просто качественного преподавания литературы или истории. Я часто задумываюсь о некой цивилизационной матрице, которую Россия могла бы предложить миру. Пока что мир тяготеет к США как к стране победившего либерального порядка. Но если мы возьмём американское образование, то увидим, что там достаточно проблем, в частности, низкий уровень обучения детей в государственных школах. Зато университеты Запада имеют лучшую материальную базу, чем у нас, привлекают сильнейшие кадры, конкурируют за них. Я в прошлом году читал курс по истории стран Азии и Африки. Отечественной литературы по этой теме практически нет. То есть целый регион мира для нашей науки остался terra incognita... И так же во многих сферах философии или социологии – все передовые исследования пишутся и издаются на английском. Не вредно обратить внимание также на то, что сегодня лучшие социологи мира едут работать в Китай, несмотря на политические особенности этой страны. Это говорит о создаваемых там условиях работы. А у нас с 2012 года в пять раз увеличился отток учёных и высококлассных специалистов, которые применение своим знаниям предпочитают искать за рубежом. Почему? Потому что это глобальная проблема России – здесь не умеют ценить граждан. Но для чего тогда нужна страна, если не для людей? Помните лозунг Трампа: «Сделаем Америку великой»? А если мы возьмём другой лозунг и сделаем Россию комфортной! И начнём именно с образования, с вклада в наше общее будущее. «Россия – республика учителей!» – мне кажется, это достойная программа и привлекательный культурный и цивилизационный проект, который рано или поздно заставит многие страны взглянуть на нас как на новый ориентир.